

Елка была большой, под самый потолок, она пахла снегом, морозом, тайгой и немножко дымом. В домашнем тепле на стволе и ветках выступили капли душистой смолы, они блестели янтарем и склеивали пальцы. Строго говоря, это была не елка, а сосна, потому что в здешней тайге ели не растут. И это была первая за последние тридцать лет настоящая новогодняя сосна, которую видела Нина Николаевна, давно уже живущая в Подмоскowie. Нельзя сказать, что она столько времени не приезжала сюда, к себе на родину, но поездки бывали всегда летом или осенью. А в этом году получилось вырваться только на Новый год, и пока племянница Томочка хлопотала вокруг елки, Нина Николаевна доставала из большой коробки елочные украшения. Это были старые, совсем не модные сейчас игрушки, пережившие все переезды, перемены в жизни, рождения и смерти, помнившие Нину Николаевну стройной черноволосой девушкой, а Тамару, солидного главного бухгалтера одной из местных контор, маленькой кудрявой девочкой.

Нина Николаевна всей душой любила новогодние елки. Долго и тщательно готовилась к празднику, выбирала в магазинах хрупкие, обязательно стеклянные елочные украшения, еще за месяц начинала покупать подарки, а потом подолгу их упаковывала, с любовью наряжала квартиру. Наверное, эта страсть была из детства, которое у нее выпало на войну, и в котором никаких новогодних елок не было. Они пришли позже. Сначала их украшали бумажными цепями, флажками и прочими немудреными самодельными игрушками. И были еще стеклянные бусы, вероятно, единственные в то время на весь их поселок, и золотого картона звезда. Звезда потом потерялась, а бусы сохранились. Тусклые, облупившиеся, местами побитые они лежали сейчас у Нины Николаевны в руках, и она вдруг ясно вспомнила другой зимний день, далекий и почти забытый, а сейчас вдруг вернувшийся к ней воспоминанием, в отличие от этих бус, свежим и ярким.

Это было в конце декабря. Перед тем долго не могли дожждаться снега, а сейчас он медленно падал с неба пушистыми хлопьями, укрывая застывшую от мороза землю. И это был день Нининой великой беды и необычайного, громадного счастья. Все началось с того, что вчера вечером соседка тетя Лиза попросила бабушку отпустить Нину ночевать к ним домой. Тете Лизе надо было в ночь на работу, а ее дочка Зина, как всегда, испугалась оставаться одна. Лизина дочь была Нининой ровесницей и страшной трусихой: вот уже второй месяц ее мама работала посменно, а она все еще не могла к этому привыкнуть. Девочку звали к соседям уже не первый раз, и она презирала Зинаиду за трусость, но в то же время очень любила ночевать у нее. Дом соседей не походил на другие дома в поселке: в нем было множество книг и альбомов, на стенах висели картины и фотографии в рамках, а еще хранилась гармонь с белыми и черными клавишами, про которую тетя Лиза говорила, что это аккордеон. Зина радовалась соседке, они подолгу пили вместе чай из шиповника, а потом укладывались спать. Перед сном Зина всегда рассказывала разные сказки и истории из книг: она любила читать, а

подружка любила слушать.

В тот вечер Нина впервые увидела в доме у соседей сосновые ветки. Раньше ей и в голову не приходило, что их можно принести в комнату. Зеленые, пушистые, игольчатые, они стояли в большом синем кувшине на круглом столе. Зина сказала, это потому, что скоро Новый год, а вот когда был папа, он один раз принес целую елку. Нина знала, что дядя Антон ушел на войну, и до сих пор от него ни слуху ни духу, хотя война уже три года как кончилась. А у нее самой пропадать было некому, она жила с бабушкой и дедом, который работал обходчиком на путях. Но тут ее раздумья прервались: Зина принесла пыльную коробку, сняла вату, лежащую сверху, и девочка ахнула.

В коробке золотом-серебром, дорогими камнями переливалось невиданное богатство: блестящие бусины, позолоченные звезды и шишки, маленькие фигурки с тонкими крылышками, какие-то плоские серебряные птицы... Это были старинные елочные украшения. Как, когда они попали в дом тети Лизы и дяди Антона, из какой стародавней поры прилетели сюда, на забытую богом, насквозь замороженную станцию Транссиба? Об этом Нина задумалась позже, уже став взрослой. А пока она наглядеться не могла на невиданное сокровище.

«На ветки много не поместится», – деловито сказала Зина и великодушно предложила: «Выбирай, что повесим». Нина, не поверив своему счастью, взяла самое красивое – елочные бусы. Затаив дыхание, она повесила их на сосновые ветви: бусы были для них великоваты, они свисали до самой столешницы и даже частью лежали на ней, но все равно было здорово. Девочки еще долго перебирали игрушки в коробке, их было совсем немного, но тогда подружкам казалось, что в руках у них большой клад.

Ночью Нина никак не могла уснуть. Трусишка Зина, боявшаяся темноты, оставила одну створку ставней открытой. Снег еще не начался, и в комнату проникал слабый свет луны. В его бледном луче слегка светились чудесные стеклянные бусины. Нине казалось, что они сияют на всю комнату. К утру она не выдержала. Тихо ступая босыми ногами по ледяным скрипучим половицам, мышкой пробралась к столу и сняла сокровище с ветвей. Она долго стояла, держа его в ладони и боясь вздохнуть, а потом, не выпуская из рук, пошла к двери. И вздрогнула: в неясном предрассветном свете зимнего утра перед ней стояла подружка. Нина и не слышала, как она поднялась. Девочка ничего не говорила, только смотрела, и Нине казалось, что она ничего не видит, кроме ее огромных глаз. Всклипнув, Нина повернулась, подошла к столу и положила на него теплые от ладошки бусы. Как потом шла мимо Зины, как всунула ноги в валенки, как оделась, не помнила. Очнувшись уже на улице, по пути к своему дому. Она бежала и громко, на всю улицу,

рыдала.

Бабушка, открыв дверь, ахнула и долго выпрашивала внучку, что случилось, но та не могла слова вымолвить. Тем временем приближался долгожданный праздник: первая на Нинином недолгом веку школьная елка. Да и вообще первая – у них дома, как и во всем поселке, этот праздник раньше не отмечали. Вот разве что у Зины...

Нина училась тогда в шестом классе, но выглядела младше своих лет. Да и не только она, все девочки в классе подобрались такие: худенькие, невысокие, со смешными бантиками в косичках. Единственная школьная фотография была сделана гораздо позже, уже на выпускном вечере, но Нина помнила своих подружек такими, какими были они на той первой елке. Помнила и свою школьную учительницу, с которой они почти месяц готовились к невиданному празднику. Разучивали стихи, клеили бумажные флажки в виде сердечек и нанизывали их на нитку гирляндой, мастерили из газет длиннющие цепи. А самое главное – Нине сшили настоящее новогоднее платье! Оно было из марли, неведомо как раздобытой бабушкой, и ее же руками сшитой. Подсиненное, с широким поясом и сборчатым подолом, оно уже давно висело на спинке кровати и было предметом семейной гордости. И стихотворение Нина выучила – отрывок из «Маскарада» Лермонтова, а теперь все пропало!

Она больше не могла плакать. Свернувшись калачиком, устало лежала за перегородкой на большом сундуке, а бабушка вздыхала и чем-то гремела у печки. Но тут в дверь постучали. Стучались к ним только тетя Лиза и Зина, другие соседи заходили запросто. Девочка насторожилась, но головы не подняла. «Здравствуйте, — сказал Зинин голос. — Я поздравляю вас с Новым годом. Вот мой подарок для Нины. Я буду ждать ее в школе на елке».

Не веря своим ушам, Нина сползла с сундука и выглянула из-за перегородки. Клубы морозного воздуха, ворвавшиеся в дверь, еще стояли в воздухе, но подружки уже не было. Бабушка держала в руках небольшой сверток.

Нина взяла его и пошла на свой сундук. В свертке оказались елочные бусы и плоская золоченая звезда из той коробки. Она тихо и счастливо вздохнула и сняла со спинки кровати свое новогоднее платье.

На какое-то мгновение Нина Николаевна вновь стала той заплаканной и счастливой школьницей, почувствовала запах бабушкиного дома и чудесное ожидание праздника. Томочка продолжала что-то оживленно говорить, а она подошла к елке и благодарно повесила на самое видное место старые бусы. Потом две немолодые женщины долго стояли у окна. За ним все изменилось, не было уже давно бабушкиного дома, на месте старой школы построили клуб, а Зина еще до окончания школы уехала с мамой из поселка, и они никогда больше не виделись... И только снег, неспешный, пушистый, все так же тихо падал на землю, и в этом снегу, в свете фонаря стояла девочка и, подняв к небу лицо, улыбалась и ловила ладошкой снежинки.

Наталья МАКСИМИШИНА